

Кристофер Прист

Дезертир

*Часть сборника
Архипелаг Грез (сборник)*

Кристофер Прист
Дезертир

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Дезертир / К. Прист — «Эксмо», 2002

«Я помню себя примерно с двадцати лет. Я был солдатом и служил в армии. Меня только что выпустили из учебки. Мы маршировали в Джетру, во временный лагерь в порту. Нас сопровождали „черные береты“, военная полиция. Война приближалась к своему трехтысячелетнему юбилею...»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Прист К., 2002
© Эксмо, 2002

Кристофер Прист

Дезертир

Copyright © 1999 by Christopher Priest

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.
Жан-Поль Сартр

Я помню себя примерно с двадцати лет.

Я был солдатом и служил в армии. Меня только что выпустили из учебки. Мы маршировали в Джетру, во временный лагерь в порту. Нас сопровождали «черные береты», военная полиция. Война приближалась к своему трехтысячелетнему юбилею.

Я механически шагал и смотрел на шлем идущего впереди меня. Небо было темно-серым и облачным. С моря дул резкий ветер. Я кое-что знал о своей жизни. Я знал свое имя. Я знал, куда нам приказано идти. Я догадывался, что с нами будет, когда мы дойдем. Я имел навыки, присущие солдату.

При строевой ходьбе мыслительная энергия не расходуется – можно думать о чем захочешь, если у тебя, конечно, есть чем думать. Я записываю эти слова несколько лет спустя, вспоминая и пытаюсь понять, что же тогда произошло. В то время, в момент моего ментального рождения, я мог только выполнять строевые команды и маршировать в ногу со всеми.

Детство мое будто стерто. Я сложил два плюс два и придумал правдоподобную историю своей жизни. Скорее всего, я родился в Джетре – университетском городе и бывшей столице на южном побережье. Были ли у меня родители, братья и сестры? Понятия не имею. Мне неизвестно, ходил ли я в институт, болел ли ветрянкой, имел ли друзей, гонял ли по улицам или был домоседом. Наверняка я знаю только, что как-то дожил до двадцати лет.

И еще одно, совершенно бесполезное для солдата: почему-то я знал, что неплохо рисую.

Как такое может понять про себя человек в стальной каске и тяжелых сапогах, топая на холодном ветру в колонне из серых шинелей, когда чавкает грязь, ветер бьет в лицо и в такт шагам стучат котелки?

Я просто понял, что где-то там, в глубине моего окутанного мраком сознания, таится любовь к рисунку, краскам, форме и цвету. Откуда взялась во мне эта страсть? А кстати, как меня занесло в армию? Почему-то моя неприемлемая кандидатура прошла тесты и медкомиссию и была признана годной. Я получил повестку, попал в казарму, и старшина вбил в меня то, что полагалось солдату.

И вот я в строю и иду на войну.

Мы погрузились на корабль, который должен доставить нас к южному континенту, самому большому в мире ломтю ничейной территории. Там без малого три тысячи лет шла война. Бесконечная тундра и вечная мерзлота. Совершенно необитаемая земля, если не считать аванпосты на побережье и войска противоборствующих стран.

Нас разместили на судне ниже ватерлинии. Трюм был душным и зловонным, а когда мы в него погрузились, стал шумным и переполненным.

Я углубился в себя и попробовал разобраться в нахлынувших со всех сторон ощущениях. Кто я такой? Как здесь оказался? И почему я не помню, чем занимался хотя бы вчера?

Я как-то функционировал, имел представление о мире, обладал должными навыками и умел обходиться в быту. Знал своих сослуживцев по части и имел представление о причинах и ходе войны. Я забыл лишь себя. В первый день моего сознательного существования мы стояли на верхней палубе – ждали, пока разместятся прочие воинские части. Я жадно ловил отрывки чужих разговоров, надеясь, что меня посетит озарение и что-нибудь вспомнится. Озарение не пришло, и я решил удовольствоваться малым, решив, что отныне насущным для меня будет то, что насущно для моих однополчан.

Как все солдаты мира, они были недовольны своим бытом и постоянно жаловались. Правда, в нашем случае недовольство дополнялось вполне реальным опасением по поводу приближающейся трехтысячной годовщины начала войны. Все как один были убеждены, что к этой дате командование развяжет мощную наступательную операцию, чтобы добиться, наконец, хоть какого-то перевеса. Будет бойня, и мы в нее, конечно же, попадем. Некоторые верили, что за три года, оставшихся до юбилея, война закончится. Другие настаивали, что в первые недели нового тысячелетия наш четырехлетний призыв еще не закончится и нас не отпустят домой, если в это время будет вестись серьезное наступление.

Как и они, я был слишком молод для фатализма. Зерно сомнений пало в благодатную почву, и я решил при первой же возможности найти способ дезертировать.

Той ночью я почти не спал. Меня беспокоило прошлое и тревожило будущее.

Отчалив от пристани, корабль взял курс на юг, оставляя за собой Сивл, невзрачный остров, покрытый голыми утесами и пустынными холмами, что закрывали вид на море для большей части Джетры. Следом за Сивлом шла целая группа Серкских островов, более плоских и очень зеленых, с милыми маленькими городами, уютно затаившимися в бухтах.

Наш корабль, ловко маневрируя между клочками суши, миновал эти воды. Я стоял на верхней палубе, держался за поручни и зачарованно глядел на проплывающие за кормой острова.

Нескончаемо долго тянулись дни, и я снова и снова выбирался на верхнюю палубу, где, пристроившись в уголке, одиноко любовался раскинувшимся за бортом пейзажем. До Джетры все еще было рукой подать, но ее очертания уже скрыл Сивл. А мимо проплывали острова, бодрящие буйством красок и россыпями городов, – далекие и недостижимые, окутанные зыбким маревом. Корабль монотонно рассекал водную гладь, неся в трюме шумную солдатскую братию, но мало кому из них приходило в голову выйти наверх и посмотреть на проплывающий мимо мир.

Шло время, с каждым днем становилось теплее. На островах стали появляться белые пляжи, увенчанные рядами высоких пальм, в тени которых ютились крохотные домишки. Судно гнало волну, и та пенно билась о разноцветные острые рифы, облепленные морскими раковинами. Мимо нас проплывали чудные гавани и прибрежные города на живописных холмах; сопящие вулканы и головокружительные горные пастбища, усеянные крупными валунами; лагуны, заливы, дельты рек и длинные песчаные косы, сбегающие в синее море.

Всем, конечно, известно, что причиной войны стали именно жители Архипелага. Вот только, когда плывешь по Срединному морю мимо солнечных островов и видишь их тихую, мирную жизнь, начинаешь в этом сомневаться. Возможно, тишина и покой – лишь иллюзия, навязанная расстоянием между кораблем и островами. Чтобы личный состав не терял бдительности, нам постоянно читали лекции. Некоторые из них пересказывали историю борьбы за вооруженный нейтралитет – состояние, в котором островитяне пребывали уже три тысячи лет.

Обе враждующих стороны признали эти воды нейтральными. Ввиду своего географического положения острова будут веками терпеть чужое присутствие – так уж вышло, что Срединное море огибает весь мир, отделяя северян от южного полюса, текущего места сражений.

Меня все это мало интересовало. При любой возможности я бежал на верхнюю палубу и затаив дыхание любовался проплывающими за бортом видами. Я отслеживал курс судна по истрепанной и, вероятно, устаревшей карте, которую нашел в рундуке, и названия островов отзывались в моем сознании, как звон колокольчиков. Панерон, Салай, Теммил, Местерлин, Прачос, Мьюрисы, Деммер, Пикай, Обракские острова, Торкильские, Серкские, Ривские отмели, Побережье Хельвардовой Зазнобы...

Необычная бухта или мыс, поднимающиеся прямо из моря отвесные скалы – у каждого острова были свои особенности, и я с легкостью угадывал, где именно мы проплываем. Я видел название острова на карте, и мне казалось, что он мне знаком. Словно Архипелаг изначально был заложен в моем сознании, словно здесь мое место и мои корни, и он – мечта всей моей жизни. Я любовался им, и во мне пробуждалось давно забытое чувство прекрасного.

При виде названий на карте на меня накатывало сладостное предвкушение, какая-то чувственная теплота, совсем не вязавшаяся с грубым и тяжким солдатским существованием. Я глядел на полоски воды, отделявшие нас от суши, тихонько перечислял в уме острова, призывая на помощь духов, что подняли бы меня над морем и отнесли к этим дальним, омытым прибоями берегам.

Некоторые из островов были настолько велики, что корабль плыл мимо целый день, другие настолько малы, что напоминали скорее полузатопленные рифы, угрожающие пропороть днище нашего дряхлого судна.

Независимо от размера, у всех были имена. Проплывая, я находил на карте название и обводил карандашом, а после вносил в свой блокнот, постепенно пополняя список. Я записывал их и подсчитывал, составляя подобие собственной карты, – как знать, вдруг в один прекрасный день мне посчастливится ехать обратным путем и на каждом из них побывать? Вид с моря манил к себе и притягивал.

Лишь одна остановка случилась за все время нашего долгого пути на юг.

Я понял, что в нашем плавании предвидится перерыв, когда стало ясно, что мы держим курс на крупный порт. Ближайшие к морю постройки были белесыми от цементной пыли. На берегу дружно дымили трубы огромной фабрики. Позади обжитой промышленной зоны длинной полосой простирались дикие джунгли, застилая вид на цивилизацию, которая, как выяснилось, скрывалась дальше. Когда мы обогнули холмистый мыс и прошли мимо высокой дамбы, взгляду внезапно открылся обширный город, выстроенный на пологой гряде. Он простирался во всех направлениях и дрожал в мглистой дымке, застилающей сушу и оживленные воды порта. Нам, конечно, не полагалось знать, в какой точке пути мы сделали остановку, но у меня под рукой была карта, и я все быстро понял.

Мьюрисы. Один из самых важных и самый большой остров Архипелага.

Открытие поразило меня в самое сердце. Слово «Мьюрисы» синим китом поднялось из глубин памяти.

Сначала я прочел его на карте. Оно было отпечатано крупно, крупнее остальных. Почему это незнакомое и иностранное название что-то значит для меня? Ведь ни один из других островов не вызвал у меня столь сильного трепета и ощущения близкой связи.

Но вот мы приблизились к суше, и корабль двинулся вдоль береговой линии. Я смотрел, как в удалении проплывает земля, и меня все сильнее охватывало неясное томление.

Мы вошли в бухту, подплыли к пристани. От города над тихой водой дохнуло жаром, и мне наконец кое-что стало понятно.

Когда-то я хорошо знал этот город... И воспоминание пришло ко мне из того места, где не было воспоминаний.

Мьюриси... Нечто, что я знал раньше. Или когда-то сделал. Или испытал в детстве. А еще там жил художник Раскар Асиццоне.

Кто он такой? Почему его имя послышалось мне из пустой раковины собственной амнезии?

Самокопание пришлось прекратить. Объявили построение, и я, вместе с другими солдатами на верхней палубе, вынужден был вернуться в трюм. Весь вечер, и ночь, и весь следующий день мы просидели на нижнем ярусе, взаперти.

Находясь в жарком, душном и людном помещении, я, тем не менее, получил время для размышлений. Отгородился от всех и молча стал прокручивать в голове фрагмент пока еще неясного воспоминания.

На фоне большого темного провала, что являла собой моя память, единственное всплывшее впечатление приобрело особый контраст. Все сильнее и ярче проступали чувства, связанные с этим островом. Постепенно я начал вспоминать свой интерес к Мьюриси.

Я был подростком, а значит, в моей короткой жизни это случилось не так давно. Мне стало известно о колонии художников, живших в прошлом веке именно здесь. Где-то я даже видел репродукции их картин – может, в книгах? Я начал поиски и выяснил, что в местной художественной галерее хранится несколько подлинников. И конечно, отправился туда, чтобы увидеть их собственными глазами. Ведущим художником в группе считался Раскар Асиццоне.

Его работы меня потрясли.

Постепенно в памяти стали проявляться детали, и, наконец, из сумрака прошлого всплыла целостная картина событий.

Раскар Асиццоне придумал собственную технику живописи – тактилизм. При письме использовался особый пигмент, открытый учеными при разработке ультразвуковых микросхем. В какой-то момент патентные права на изобретение истекли, и в широком доступе появился целый спектр невероятных оттенков, чем не преминули воспользоваться художники. Написанные ультразвуковыми красками картины быстро обрели небывалую, хотя и недолгую, популярность.

Полотна воздействовали на зрителя через тактильные ощущения, косвенно влияя на все прочие органы чувств. Совокупность цветов повергала в шок, вызывала у зрителя совершенно неожиданные ощущения. Сам Асиццоне пришел к этой технике живописи не сразу, а лишь тогда, когда остальные художники, охладев к странному новшеству, стали возвращаться к более традиционному стилю, впоследствии названному «претактилизмом».

Асиццоне же дошел до воистину нетривиальных глубин. Его светящиеся абстракции так и дышали жаром страсти. Рисовал он на крупных досках или холстах, выкрашенных в один-два основных цвета, на которых лишь слабо угадывались какие-то формы и образы. На полотне, вблизи или на расстоянии, а также на репродукциях зритель видел лишь нагромождение цвета. При ближайшем же рассмотрении, а лучше, касании красок оригинала в сознании проступали яркие эротические сцены, шокирующие своей откровенностью. Они были представлены в мельчайших деталях и с невиданной силой резонировали в мозгу, пробуждая у человека недвусмысленные желания.

В архивных подвалах художественной галереи Джетры я обнаружил целую серию давно позабытых абстракций. Я жадно касался полотен, открывая для себя мир чувственных удовольствий. Женщины, запечатленные на полотнах, были невыразимо прекрасны – таких я не видел, не знал и не сумел бы вообразить. Каждая из картин провоцировала свой чувственный образ. Все эти образы раз за разом воспроизводились в предельной точности, но

были меж тем уникальны. Они зависели от личного восприятия, от потребностей и желаний смотрящего.

О творчестве Асиццоне осталось мало критических отзывов. Немногочисленные источники сходились в одном: каждый, кому довелось контактировать с его картинами, переживал эту встречу по-своему.

Творческий путь художника закончился очень печально. Доведенный до нищеты, он с позором был изгнан из художественных кругов – все ополчилось против бунтарского духа мастера: воротили от живописи, общественные деятели, стражи морали. Его преследовали и проклинали; он вынужден был отбыть в изгнание на остров Чеонер, где и окончил дни в нищете. Большинство его картин спрятаны где-то на Мьюрисе, и лишь немногие попали в галереи или архивы. Асиццоне больше не брал в руки кисть и умер в забвении.

Меня в те годы не сильно заботила скандальная репутация художника. Я знал одно: несколько его картин, которые хранились в подвалах Джетрийской художественной галереи, вызвали столь сильный всплеск похотливых образов, что оставили меня обессиленным, дезориентированным и полным любовного томления.

Вот и все, что всплыло с ясностью из глубин моей сильно подпорченной памяти. Мьюрисе, Асиццоне, шедевры тактилизма и запретная сексуальность скрытых картин.

Кем я был и откуда все знаю? Тот подросток исчез и стал солдатом. Где это происходило? Наверное, когда-то я жил полной жизнью, но ничего о тех временах не помню.

Когда-то я был эстетом, теперь – пехотинец.

Мы бросили якорь у Мьюрисе-Тауна, почти в самой гавани. На корабле царил напряженная атмосфера: всем не терпелось скорее покинуть тесные душные помещения.

Объявили об увольнении на берег!

Новость разнеслась быстрее ветра. Следовало торопиться – корабль вскоре отойдет от причала и встанет где-нибудь в бухте. Каждому из солдат было отпущено полтора дня на суше. Я ликовал вместе со всеми. Меня ждал Мьюрисе – место, где я найду прошлое и потеряю свою невинность.

Четыре тысячи человек устремились на берег. Большинство отправились в Мьюрисе-Таун на поиски шлюх.

Я бросился на поиски Асиццоне.

Но вместо этого тоже нарвался на шлюх.

После долгого бессмысленного шатания по улицам в поисках прекрасных асиццонских женщин я опять очутился в гавани, у дверей ночного клуба. Усилия мои оказались тщетны, я был совершенно не подготовлен и действовал без плана. Просто слонялся по городу, теряясь в путаных лабиринтах проулков и распугивая горожан. А они считали меня обычным солдафоном. Натерев ноги и лишившись иллюзий в отношении этого чуждого для меня города, я вздохнул с облегчением, когда вышел к причалу.

Наше судно, залитое светом прожекторов, неумолимой громадиной высилось над залитыми бетоном берегами.

У входа в клуб столпились десятки военных с нашего корабля, благодаря чему я и заметил само заведение. Недоумевая, что могло привлечь сюда столько народу, я протиснулся сквозь толпу... и попал в большое помещение, набитое людьми, где царили жара и полумрак. В ушах грохотали басы синтезаторной музыки, глаза слепили лучи прожекторов и цветные лазеры под потолком. Никто не танцевал. Вокруг стен в нескольких местах поблескивали в лучах небольшие металлические платформы, немного возвышавшиеся над толпой. На платформах стояли обнаженные девушки. Лучи света выхватывали из темноты то одну, то другую. У каждой было по микрофону, в которые они что-то бубнили без всякого воодушевления и, вылавливая время от времени мужчин из толпы, подзывали их пальчиком.

Меня выследили, когда я протискивался через зал. Я по неопытности решил, что поприветствовали. Сказались усталость и разочарование от долгих поисков, я машинально поднял руку и помахал в ответ. Без особого, впрочем, энтузиазма. И тут началось. На ближайшей от меня платформе находилась совсем юная девушка с пышными формами. Она стояла, широко раздвинув ноги и выставив вперед свое женское естество. Между ног ей заглядывал бессовестный луч. Когда я вскинул руку, она оживилась и подалась вперед, качнув огромными грудями над головами теснящихся на танцполе мужчин. Моментально сместился источник света: сзади появился еще один мощный луч, осветив ее крупные ягодицы и отбросив контрастную тень на потолок. Девушка что-то затараторила в микрофон, явно указывая на меня.

Смутившись от такого внимания, я пробовал затеряться в толпе, но ко мне с разных концов зала двинулись, протягивая руки, несколько женщин. Меня окружили, схватили и повели в сторону. У каждой на голове была гарнитура, а у самых губ висело по крохотной пуговке микрофона.

Когда дамы стеснились вокруг меня, одна потеряла палец о палец – на что-то намекая.

Обескураженный и напуганный, я покачал головой.

– Деньги! – внятно произнесла женщина.

– Сколько?

Оставалась надежда, что я смогу от них откупиться.

– Отгульные. – Она снова потеряла пальцами у меня перед носом.

Я достал тонкую пачку военных банкнот, которую получил от «черных беретов» при сходе на берег. Женщина выхватила ее и с завидным проворством передала в руки подруге. Оказалось, что в конце зала была неприметная ниша с длинным столом. За ним сидели несколько женщин с амбарными книгами, куда вносились все принятые суммы. Деньги мгновенно исчезли из виду.

Поначалу из-за общего переполоха я не сразу понял, чего от меня добиваются. Теперь, судя по их недвусмысленным позам, практически не оставалось сомнений, какого рода услуги мне столь настойчиво предлагают и даже навязывают. Шлюхи были немолоды и совсем не в моем вкусе. Я потратил несколько часов в поисках сирен Асицоне и был охвачен смятением, столкнувшись с агрессивными и некрасивыми женщинами.

– Хочешь? – спросила одна из них, оттянув край растянутого воротника и приоткрыв на миг тощую грудь. В глаза мне бросился большой темный сосок.

– А как тебе это? – Та дама, что взяла у меня деньги, задрала подол юбки, намереваясь что-то мне показать. Но все потонуло в кромешной тени, отбрасываемой навязчивым светом прожекторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.